

Не испытывает страха перед богами и Демофонт. На предположение Полимнестора, что в лице Илионы боги и в дальнейшем могут продолжать мстить троянцам, он отвечает:

Иль рвение богов на Трою будет вечно?
 Когда уже и в нас смягчились сердца,
 То им ли злобиться на бедных без конца?

(Д. II, явл. 1).

Он не допускает мысли, что боги продолжают гневаться на троянцев, а в общем весьма безразлично относится к их мнению и, не считаясь с «волею богов», ищет любви троянки Илионы.

Илиона же хотя и признает, что боги управляют судьбой человека, относится к ним критически и упрекает их в несправедливости. Так, она негодует на то, что боги неодинаково относятся к троянцам и грекам, тогда как по природе своей эти народы равны:

Мы равну с греками имеем плоть и кровь:
 И ваша быть должна во всем равна любовь.
 Но грекам вы отцы, троянам вы тираны...

(Д. II, явл. 4).

Когда Полимнестор ей объявил, что по воле богов должен ее оставить, она с негодованием упрекает его за то, что он согласился с волей богов:

И можешь воле их немедля согласиться,
 Как ежели она против твоей стремится?
 Не смеешь против ней ты слова испустить!

(Д. IV, явл. 1).

Эти речи вовсе не говорят о ее благочестии. Илиона убеждена, что человек может совершать поступки и независимо от воли богов. Так, она размышляет по поводу слов Полимнестора, будто боги ему приказали поручить ее их воле:

И что меня еще вручает он богам,
 Когда сокрыть от бед скорее может сам.

(Д. II, явл. 4).

Такое отношение к религии характерно было для людей высшего класса русского общества середины XVIII века. Как известно, уже в эту эпоху среди дворянской интеллигенции начинает появляться тип «вольнодумца», выступающего против религиоз-